

В.В. Липатов

Игорь Саввович

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В11

В.В. Липатов
В11 Игорь Саввович / В.В. Липатов – М.: Книга по Требованию, 2024. – 263 с.

ISBN 978-5-458-04025-9

Этот роман Виля Липатова, как и предыдущие, злободневен и страстно-полемичен. Его герои – тридцатилетние люди, родившиеся после войны и вступающие ныне на руководящие посты разных звеньев народного хозяйства. О гражданской зрелости этого поколения, о чувстве ответственности перед государством, перед народом идет речь в романе. Это является его главной темой. Место действия – сибирский город 70-х.

ISBN 978-5-458-04025-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024
© В.В. Липатов, 2024

Виль Владимирович Липатов
Игорь Саввович

Дочери Татьяне посвящается

Глава первая

Сын

Гроза хотела начаться ранним утром. Тучи стадились всю ночь, клубились и урчали, опустились до телевизионных антенн, но ничего не произошло – бог знает, почему? Тучи неохотно разбрелись по стойлам, небо налилось блеклой голубишной, и в сумрачной аллее городского сада в одиннадцать часов утра, где на одинокой скамейке сидел Игорь Саввович, тоже посветлело, птички стаи, обрадовавшись, подняли гомон. Игорь Саввович полулежал на скамейке, раскинув руки на ее спинке, и, когда выглянуло туманное солнце, иронически подумал: «Похоже, что меня распяли!» Руки затекли, спина ныла, но шевелиться не хотелось.

Итак, гроза не состоялась, билеты действительны, а это значило, что Игорю Саввовичу Гольцову надо идти к Валентинову, назначившему дружескую встречу в его доме на Воскресенской горе примерно около двенадцати часов. Только свирепый ливень с молниями и трескучим громом мог сегодня помешать главному инженеру Сергею Сергеевичу Валентинову продолжать терпеливое, рассчитанное на измор установление человеческих контактов со своим заместителем, то есть Игорем Саввовичем Гольцовым.

Досадуя и насмешничая над собой, Игорь Саввович решал много вопросов. Во-первых, как он очутился в парке, где никогда не был, почему вышел к этой одинокой скамейке, самой удобной, тихой и уединенной? Во-вторых, почему он напялил строгий и жаркий костюм, купленный два года назад и только однажды «выведенный» в люди – в годовщину Октября? В-третьих, и это главное, почему он не хочет идти к главному инженеру Валентинову? Было о чем подумать.

– Ладушки! – пробормотал он. – Ладушки!

Да, пора идти к Валентинову. А можно охаметь и остаться в парке, думая: «Отчего вы, Сплавное Величество, Сплавная История и Библия Сплава, приглашаете к себе домой заместителя, даже не потрудились намекнуть, зачем приглашаете в субботний день! На чашку чая? Это один поворот. Для беседы за жизнь – совсем иной зигзаг. А может быть, дорогой Сергей Сергеевич, заговорили ваши аристократические гены? Может быть, вы испытываете неясную тягу, неосознанное, туманное влечение, какое-нибудь там двадцать шестое чувство... О сын мой, я пришел сказать, что ты не сын мой, а дочь моя!»

Забавно, но факт: главный инженер треста Ромсксплав, *Сергей Сергеевич Валентинов, не зная об этом, был родным отцом своего заместителя Игоря Саввовича Гольцова*, и только три человека на этой теплой и круглой земле знали правду: мать Игоря Саввовича, отчим Игоря Саввовича и сам Игорь Саввович. Он узнал об этом семь лет назад и вот уже шестой год настороженно и жадно наблюдал за человеком, который позвал его явиться на белый свет.

Игорь Саввович лежонько, как ребенок перед сном, вздохнул. «Можно сослаться на плохое самочувствие», – подумал он вяло и вздохнул еще глуше. Увы! Он не мог сказать Валентинову, что плохо себя чувствует, потому что давно – более года – не помнит дня, когда бы ощущал себя здоровым. Болезнь у него была странная, непонятная, и он, докторский ребенок, умеющий пользоваться меди-

цинской литературой, убедительного объяснения до сих пор в книгах не находил. Наверное, поэтому Игорь Саввович болезнь скрывал и только недавно, всего двенадцать дней назад, решился на отчаянный шаг – пошел к врачу такой специальности, к каким в областном городе люди его общественного положения ходить не любят.

Небо быстро голубело, сделалось высоким, потерявшим кажущийся изгиб. Игорь Саввович поднялся и, волоча ноги, двинулся вдоль аллеи. Он почти не заметил, как сел в трамвай, как прокатился «зайцем» до остановки «Гора» и оказался на широком шоссе, ведущем вверх, к знаменитой в городе Воскресенской церкви. Три ее купола сверкали позолотой в солнечных лучах, стая ласточек, орущая и суетливая, делала круги вокруг центрального купола. Игорь Саввович вспомнил, как это объяснял Валентинов. «По причинам простейшего порядка, – говорил он, – блеск куполов привлекает стаи мошкеры, которыми и кормятся хитрые ласточки».

Главный инженер Валентинов вообще любил изъясняться книжно и по-старинному.

Отблеск солнца в золотых куполах слепил, пришлось опустить взгляд – там в зелени утонул дом Валентинова, старинной постройки, по-купечески просторный и тяжелый. Валентинов! Точно так, как в деревне гордятся своими нестандартными односельчанами, так северный город Ромск в числе прочих достопримечательностей, таких, как Воскресенская церковь, здание Дворянского собрания, библиотека университета, называл и Сергея Сергеевича Валентинова. Вот уже почти тридцать лет от тяжелого дома вниз по тропочке, пробитой только им, в восемь часов пятнадцать минут утра спускался Сергей Сергеевич и занимал светлый кабинет в двухэтажном здании сплавного треста. Жил он с престарелой матерью, никогда и никто из горожан не видел Валентинова с женщинами, никогда в его дом женщины не приходили, а после рабочего дня и самого Валентинова в городе не встречали. Правда, поговаривали, что перед войной на проспекте Ленина Валентинова видели с блондинкой в берете, а после войны – в это не верили даже сами рассказчики – в доме Валентинова некоторое время жила женщина с погонами майора медицинской службы. Что с ней стало, куда она исчезла, никто знать не мог, и воспоминание о военной женщине считалось никчемной выдумкой.

По городу также ходили легенды о матери Валентинова, женщине тоже странной и непонятной. Как, например, объяснить такое? Мясники из центральных рядов каменного Старого рынка, эти потомственные ромские мясники, помнившие еще купцов Кухтерина и Второва, эти краснорожие громили в белых колпаках набекрень, завидев Надежду Георгиевну Валентинову, кричали зычно: «Доброго утречку, Георгиевна!» – и продавали ей мясо на рубль дешевле за килограмм, чем всей безропотной очереди. Надежда Георгиевна при этом стояла тихо, улыбалась непонятно, и было видно, что она ничего не хотела – ни дешевого мяса, ни безочередности, ни снятых перед нею белых колпаков.

Женщина в берете, майор медицинской службы, сибирская лайка по кличке Селенциус, живущая в непонятном доме только зимой, сам дом, в котором мало кто бывал, – вот все, что знали триста тысяч ромских жителей о жизни Валентинова вне стен двухэтажного старого здания треста. А в последние пять лет произошло еще одно необъяснимое, загадочное явление – в тяжелом и большом

доме Валентинова стал частым гостем молодой инженер Гольцов. Это уж совсем небывальщина, так как ни одного из своих коллег по тресту Валентинов в таинственный дом никогда не приглашал.

Подъем на Воскресенскую гору Игорь Саввович начал, когда уже было жарко, многообещающие тучи свалились грудой за лесистый берег Роми, но, видимо, из-за них насыщенный электричеством воздух был влажен. Жара и влага – чистое Закавказье, черт бы побрал этот резко континентальный климат!

Игорь Саввович вдруг понравился самому себе. Действительно, со стороны все превосходно выглядело: по широкой асфальтовой дороге, то есть по краю асфальта, с тополиным листиком в зубах, с пиджаком, перекинутым через плечо, шествовал этакий дачник-курортник с беззаботным и насмешливым лицом, совершенно не имеющий представления о том, куда и зачем идет. Кипучая действительность фланера интересует мало, ровно в той степени, в какой его иронический взгляд падает на те или иные предметы, живые существа и мелкие события... Мальчишка ранил ногу, наверное, гвоздем и – вот пакостник! – высасывает из пятки кровь, чистая обезьяна. А вот вам, пожалуйста, у дамочки в сверхмодной макси-юбке на середине подъема к Воскресенской церкви забарахлил мотор «Жигулей». «Автоинспектора на дуреху нет!» – беззлобно подумал Игорь Саввович, так как дамочка не удосужилась съехать на обочину, загородила проезжую часть, а сама верхнюю часть туловища держала под открытым капотом – может быть, отказало зажигание, которое она старалась наладить собственными руками.

«Хороша же ты будешь, голубушка! – подумал Игорь Саввович, заметив, что гражданка, нарушившая правила уличного движения, сверхмодной юбкой прижимается к автомобильному крылу, покрытому глинистой ромской пылью. Улыбнувшись, Игорь Саввович остановился, так как – увы! – происходило неизбежное: начал мгновенно образовываться автомобильный затор. Первым со скрежетом затормозил фургон „Книги“, потом зашипел пневматикой самосвал с дымящимся бетоном, третьей, едва вписавшись в поворот, аварийно затормозила черная официальная „Волга“, а потом пошло-поехало, застало-заскрежетало, завылло-запищало. Минута, и на повороте дороги к Воскресенской церкви образовалась добротная автомобильная пробка.

– Ля-ля! – вдруг удивленно пропел Игорь Саввович. – Господи, как говорится, Исусе!

В дамочке, сотворившей грандиозную дорожную пробку, Игорь Саввович узнал родную жену Светлану Ивановну, сосредоточенно копавшуюся в моторе его собственных новых «Жигулей». Да-с, это была она! Темно-синие, почти черные «Жигули» водила только она, так как владелец технического паспорта Игорь Саввович Гольцов к машине не притрагивался, за руль не садился.

– Чья машина? – раздался за спиной Игоря Саввовича басовитый, мужественный и руководящий голос. – Спрашиваю, чья это машина?

Игорь Саввович, естественно, подумал, что голос принадлежит пассажиру черной «Волги», едва успевшей затормозить на большой скорости, но ошибся: позади стоял молодой водитель этой начальственной машины – наголо стриженный конопатый парень. Не получив ответа, он коршуном бросился к Светлане, но вдруг остановился, попятился, бормоча растерянно:

– На обочину съехать не догадуются! Вот уж эти женщины!

Насмешливо и зло наблюдая за стриженным трусом, Игорь Саввович не заме-

тил, что оказался центром ярмарочно-возбужденной толпы. Хриплым голосом выпивохи и курильщицы орала непонятное водительница фургона «Книги», стоял с отдыхающим веселым лицом шофер самосвала с цементным раствором, гомонили ребятишки в пионерских галстуках, мальчишка постарше высунул горн в окно автобуса и трубил сигнал «тревога»... Разноцветную живую картину городского быта конца двадцатого века наблюдал Игорь Саввович Гольцов. Черные, зеленые, красные, голубые, коричневые автомобили; красные, голубые, зеленые, клетчатые, коричневые, полосатые костюмы, юбки, кофты; запахи разогретого асфальта, тополей, бензина, цемента, горячей краски, машинного масла; мужские голоса, женские, юношеские, детские; звуки джаза из радиоприемника синей машины, голос Кобзона – из другой, ария Ленского – из третьей. И шум! Хороший, бодрый шум!

- Автоинспекция куда запропастилась?
- Штрафовать таких надо! Машины отбирать!
- Мужчины, откатите машину на обочину!
- Вот нахалка! Будто не слышит.
- Нет, тут нужна только автоинспекция! Где автоинспекция?

Автоинспекция, между прочим, не дремала. С большой заинтересованностью, радостно чувствуя, как привычная боль в груди слегка утишается, Игорь Саввович наблюдал за приближающимся автоинспектором. В белоснежной форменной рубашке, надраенных сапогах, с болтающейся на боку грозной планшеткой, тот шагал с таким ленивым видом, словно с утра знал, что произойдет именно такое дорожное происшествие, давно решил, как поступить со злостным нарушителем, и скучал от будничности происходящего.

– Прошу граждан расступиться! Не галдеть!.. Чья машина? – глядя поверх человеческих голов на маковку Воскресенской церкви, негромко, но веско спросил автоинспектор. – Ваши права! Прошу предъявить!

Светлана Ивановна тоже была на должной высоте – продолжала копаться в моторе, будто не замечая ни вызванной ею суматохи, ни появления инспектора. У машины, как было известно Игорю Саввовичу по разговорам жены, барахлил один цилиндр.

– Гражданочка, ваши права! – уже с металлом в голосе потребовал автоинспектор и опустил взор с небес на землю. В глазах мелькнуло удивление, планшетка сама собой перестала раскачиваться, да и сам лейтенант потускнел, хотя по инерции сухо повторил: – Ваши права!

Ситуация чеховского «Хамелеона» повторилась на изгибе асфальтовой дороги, которая, поднималась вверх, к Воскресенской церкви, а далее вела к дачам, озерам и сосновым борам. Бедный автоинспектор смотрел на длинную юбку, на пробковые платформы босоножек, а видел известный всей городской автоинспекции номер «Жигулей» 00-07 РОГ и, конечно, узнал машину и владелицу, которая была родной дочерью Ивана Ивановича Карцева, первого заместителя председателя облисполкома, шефа органов милиции. Лейтенанту было известно, что между автоинспекторами существовало молчаливое соглашение не останавливать «Жигули» 00-07 РОГ, если не случилось ничего страшного, уголовного, и сейчас, краснея и переступая с ноги на ногу, он не знал, что делать.

Он вытер рукой с нацепленным на нее железом вспотевший подбородок.

– Прошу предъявить права, товарищ... Карцева... – невнятно бормотал он.

Взбешенный Игорь Саввович подошел к жене, как в запертую дверь, постучал в согнутую и напряженную от усилий спину.

– Светлана, немедленно предъяви права...

– Игорь, это ты? – послышался из-под капота удивленный голос Светланы Ивановны, но и после этого она не распрямилась. – Секундочку, еще одну секундочку... Сейчас надену!

Пожалуй, прошло не менее десяти минут с тех пор, как Светлана Ивановна, не удосужившись съехать на обочину, начала возиться в моторе. Пятьдесят, а может быть, и больше машин застопорили за это время на асфальтовом подъеме к Воскресенской церкви, и остывал в самосвале цементный раствор, и, может быть, опаздывали едущие к обеду в автобусе ребятишки из лагеря «Ромь», и, конечно, выходили из графика работы автобазы, строительства, опаздывали в субботний день на отдых владельцы личных машин.

– Готово! Сделала! – вдруг раздался радостный вопль, и Светлана Ивановна распрямилась. – Надела все-таки, ай да я, ай да молодец!

Овальное маленькое лицо жены вставлено в рамку из густых рыжих волос естественного цвета, кожа, не знавшая косметики, бесшабашно загорела, выпуклый подбородок торчал задорно, как кукиш, но главными в лице были глаза – детские, наивные, безупречно доверчивые.

– Юбка-то пропала! – высоко поднимая юбку, словно вокруг никого не было, а стоял рядом только муж, снова воскликнула Светлана. – Юбка-то не отстирается, ой, мамочка!

– Товарищи! – громко сказал Игорь Саввович. – Сейчас машина уйдет на обочину! Простите! Светлана, садись за руль...

Пока жена ставила машину на обочину, Игорь Саввович подошел к потному автоинспектору, сурово посмотрел в его растерянные глаза.

– Машина числится за мной, лейтенант, – сказал он. – Жена ездит по доверенности... Ее надо наказать! Если вы не проколете Светлане Ивановне дырку в талоне, пожалуйста на вас полковнику Сиротину. Будет скандал!

Игорь Саввович не узнал, чем все кончилось. Увидев глаза лейтенанта, он устало улыбнулся и пошел вверх по той самой тропинке, которую за десятилетия протоптал Сергей Сергеевич Валентинов. Тропка была узкая, ровная, твердая, думалось, что ее пробивал человек уравновешенный, сильный и настойчивый. Когда показались густые деревья, окружавшие дом Валентинова, когда открылась взору вся Воскресенская церковь, Игорь Саввович повернулся лицом к реке Роми. Было красиво и воздушно. Солнце за это время, оказывается, забралось за небольшое, но толстое облако, отчего маковка церкви потухла, а лежащий внизу город, напротив, приобрел рельефность. Потемнение на городские шумы, конечно, повлиять не могло, но, честное слово, казалось, что звуки тоже обрели четкость, рельефность. Бодренько прозвенел трамвай, на реке устало гуднул небольшой пароход, в городском саду – километра три от дома Валентинова – играл оркестр и – совсем невероятное – слышался гул турбин подваливающего к ромской пристани винтового парохода «Салтыков-Щедрин».

На лице Игоря Саввовича лежала тусклая полуулыбка, которую при желании можно было принять за улыбку необременительной вежливости хорошо воспитанного человека; глаза тоже были тусклыми и пустыми, точно человек хотел спать и мысли уже покидали его большую тяжелую голову, и в каждой линии

тренированного тела читалось тоже сонное равнодушие. Он казался человеком, которого одинаково трудно представить смеющимся или разгневанным, тоскливым или восторженным, сосредоточенным или отрешенным.

«Похоже на вечер! – подумал Игорь Саввович, вынимая из кармана батистовый носовой платок. – Воздух легко проводит звуки, а это бывает чаще всего вечером...» После этого он перестал дышать, чтобы было легче разобраться, как сейчас живет на белом свете Игорю Саввовичу Гольцову, стоящему в ста метрах от дома родного отца. Жилось плохо, хотя Игорь Саввович понемножку привыкал к такой жизни, когда с утра и до вечера, а иногда и бессонными ночами грудь, словно когтями, раздирает непонятный, ничем не объяснимый страх, когда сердце ноет и всякая четкая о самом себе мысль отдается в сердце тоненьким болезненным уколом. Второй год пошел, как жизнь Игоря Гольцова сделалась непрерывной мукой, страхом перед неизвестностью – самым жутким страхом. Никто в этом мире не знал, что Игорь Саввович панически боится выходить из дома, что в каждом встречном на улице видит опасность, что необъяснимый страх терзает его столько часов в сутки, сколько он не спит. Взорвется ли остров Мадагаскар, потеряет ли Игорь Саввович двадцать пять рублей или попадет под автомобиль – было равнозначным, одинаково страшным; и никакие самоговоры не помогали, да и беды-то он не боялся. Попаду под автомобиль – смерть не страшна, когда страшной жизнь; потеряю двадцать пять рублей – какая чушь и блажь; взорвется Мадагаскар – милый мой, иди к врачу!

Макушка Воскресенской горы густо заросла соснами, елями, черемухами, рябинами и даже два кедра – старых и кособоких – торчали посередке. Всякий раз, поднявшись на Воскресенскую гору, Игорь Саввович испытывал такое одиночество, какого не испытывал в самой глухой тайге. Это, наверное, происходило от мгновенной смены городского пейзажа на... таежность. Послышалось беличье цапанье по кедровому стволу, свистнул неосторожный бурундук, верещали птицы. «Надо идти к Валентинову!»

Город внизу пошумливал, оркестр в городском саду играл «Журавли», а над головой Игоря Саввовича, над маковкой Воскресенской церкви, продолжался обеденный круговорот ласточек, так как купола церкви, как утверждал Валентинов, притягивали к себе полки комаров и мошек.

* * *

Дом главного инженера Валентинова был построен давно, в середине девятнадцатого века, лет через двадцать после событий на Сенатской площади. Дело в том, что прапрадед Сергея Сергеевича Валентинова был декабристом, другом декабриста Батенькова, именем которого в Ромске назван мост через реку Ушайку. Именем Валентинова в городе никакие сооружения и места названы не были, но историки установили, что декабрист Валентинов по делу именовался не Валентиновым, а носил другую фамилию, до сих пор не установленную, Валентиновым же сделался после Сенатской площади, женившись на некой Валентине Крамской. Следы ее биографии были тоже утеряны. Историки установили также, что один из сыновей декабриста Валентинова женился на дочери декабриста Батенькова. Судьбе угодно было и второй ветвью соединить потомков двух декабристов и таким образом в Сергее Сергеевиче Валентинове прочно слились две революционные дворянские крови.

Дом поставили, как водилось, из вечных лиственничных бревен, толстых и от времени сделавшихся блестящими, фундамент из-за сибирских зыбучих почв клали из кирпичей, скрепленных яичным белком, подвалы выстлали камнем, редким в Ромске. Откуда привезли, неизвестно. Старожилы Ромска и знатоки деревянного дела утверждали, что спервоначалу дом Валентиновых снаружи ничем изукрашен не был, но в самом начале двадцатого века вдруг начал обрастать деревянной резьбой – петухами, завитушками, кружевными плетенками, фигурками птиц, зверей и рыб. И так это все было ладно исполнено, что в конце пятидесятых годов приехал в Ромск, прослышав о необычном доме, корреспондент столичного журнала. Бойко прибежал к Сергею Сергеевичу Валентинову, развернул блокнот, но через минуту удалился – писать о доме и фотографировать его главный инженер треста Ромоксплав категорически запретил.

У резного крыльца Игорь Саввович остановился, зная, что ни звонить, ни стучать не надо. Мать главного инженера, то есть родная бабушка Игоря Саввовича, несмотря на то, что ни одно окно в сторону крыльца не выходило, каким-то особым нюхом чувствовала приход Игоря Саввовича, хотя, понятно, не знала, что он внук ее, родной внук!.. Так и сейчас. По крыльцу-веранде протопали шаги, послышался низкий старушечий кашель, и на верхней ступеньке – четвертой по счету – возникла Надежда Георгиевна Валентинова с ее ясноглазой и тихой улыбкой, склоненной мечтательно набок головой, всегдашней привычкой держать руки в глубоких карманах фартука.

– Здравствуйте, Игорь Саввович! – особым, неместным говором, как-то посвоему произнося букву «а» и ужесточая окончания многих слов, проговорила Надежда Георгиевна. – Сын давно поджидает вас, а я воду для кофе кипячу...

Он приглядывался, прислушивался, напряженно думал... Нужно было давным-давно выяснить, почему при каждой встрече с Надеждой Георгиевной он чувствовал смятение, состоящее из смеси радости, привычного для него страха, потерянности и еще чего-то непонятного – остро и уж совсем иррационального. Ничего подобного Игорь Саввович при встрече с отцом, то есть Валентиновым, не испытывал. А вот Надежда Георгиевна!

– Проходите, проходите, сударь! – весело говорила бабушка, делая такое движение плечами, словно хотела вынуть руки из карманов, но не могла. – Ну и загорели же вы, голубчик, просто африканский негус... Проходите же, проходите!

Прихожая у Валентиновых была такой, какие до революции, наверное, были в домах удачливых адвокатов или врачей с хорошей практикой. Пахло состарившимся деревом и нафталином, стены были обтянуты не то дубовыми, не то лиственничными панелями, пол устлан прекрасной домотканой дорожкой, которая красиво продолжалась отражением в большом овальном зеркале – такие после революции из особняков перекочевали в театры. На специальной, отдельной полочке лежали многочисленные шляпы хозяина – серые, черные, зеленые, темно-синие; две шляпы странных фасонов были соломенными, одна – канотье. А вот верхней одежды было мало: висели два недорогих плаща, мужской и женский, а так называемых демисезонных пальто в доме не было. Здесь признавали только зимние пальто и летние плащи.

Едва Игорь Саввович и Надежда Георгиевна вошли в переднюю, из кабинета вышел Сергей Сергеевич Валентинов, человек выше среднего роста, с торчащей,

как пика, мушкетерской бородкой. Он был в клетчатой пижамной куртке дореволюционного фасона – канты, жгуты, пуговицы величиной с металлический рубль. Седые длинные волосы, по-гоголевски прямые, лежащие на плечах, когда-то были темными, а борода и сейчас кое-где отливала чернью. По старинным приметам, разномастность волос на голове и бороде свидетельствовала о высокой человеческой породе, об избранном происхождении.

– Рад вас видеть, Игорь Саввович! – энергично произнес Валентинов и сделал такой жест, словно предупреждал: «Оправдываться не надо! Уверен, вы пришли бы вовремя, если бы смогли». – Проходите, сделайте милость!

После этого Валентинов привычным и знаменитым, как и он сам, движением заложил руки за спину. Теперь главный инженер сделался по-молодому прямым, борода устремилась к высокому потолку прихожей.

– Ну-с, прошу, прошу, Игорь Саввович!

Полгода, целых шесть месяцев, Игорь Саввович под всякими предложениями уклонялся от визита к отцу, но, как и ожидал, в домашнем кабинете Валентинова ничего не изменилось, как не менялось десятилетиями. Как и прежде, одну большую стену занимали стеллажи с книгами, изданными до начала двадцатого века, вторую стену – от начала века до наших дней, причем здесь были собраны все послевоенные подписные издания. Кабинет был огромен – сорок шесть квадратных метров, – и библиотека Валентинова была полнее и больше иной районной библиотеки.

– Прошу садиться, покорнейше прошу!

Да, здесь ничего никогда не менялось! Слоноподобные кожаные кресла, двухметровой высоты напольные часы из редкого дерева, когда-то газовые бра и торшеры, переделанные под электрические, домотканые дорожки вместо ковров, огромный, как футбольное поле, шмиттовский стол с зеленым сукном, три почерневшие от времени тяжелые табуретки, сколоченные еще самим декабристом Сергеем Валентиновым, – вот и вся обстановка. На окнах ни штор, ни портьер, стены скудно побелены и украшены только портретом декабриста, прапрадеда, основателя ромского дома.

– Отчего же вы не садитесь, Игорь Саввович? – мягко спросил Валентинов, тоже стоящий возле кожаного кресла в ожидании, когда сядет гость. – У вас такой вид, словно вы что-то важное забыли, а вспомнить не можете... Оставьте, оно вдруг вспомнится...

Бабушка – вот кто походил на дагерротипный портрет декабриста. Сам Валентинов, видимо, пошел по женской линии, то есть по линии декабристов Батеньковых, а вот Надежда Георгиевна, родословная которой имела те же истоки, мягкой линией подбородка, большим расстоянием между бровями, разрезом глаз и усмешливо загнутыми вверх уголками губ так походила на прадеда, что Игорь Саввович удивился: «Как я этого не замечал раньше!»

– В ногах, как известно, правды нет! – между тем говорил Валентинов. – Садитесь, садитесь, и забытое вспомнится...

После этого Валентинов сел сам, не расцепив рук, сложенных за спиной, что было на посторонний взгляд неудобно, даже невозможно, но для главного инженера привычно и естественно. Трестовские остряки утверждали, что Валентинов вынимал руки из-за спины в четырех случаях: когда писал, смеялся, разговаривал по телефону и ходил в то место, куда и цари путешествуют пешком. И только